

УДК 159.9.092

Е.А. БУДИЛОВА О РАЗРАБОТКЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ¹

© 2020 г. А. Л. Журавлев*, В. П. Позняков**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13.

*Академик РАН, профессор, научный руководитель
ФГБУН Институт психологии РАН.
E-mail: ALZuravlev2018@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.
E-mail: pozn_v@mail.ru

Поступила 19.09.2019

Аннотация. Опираясь на материалы монографии Е.А. Будиловой “Социально-психологические проблемы в русской науке” [3], анализируются ее представления о становлении и развитии отечественного социально-психологического знания. Отмечается, что в XIX в. в России происходило зарождение и развитие научной социальной психологии, тесно связанное с разработкой и решением практических социально значимых проблем (проведением судебной и военной реформ, становлением и развитием психиатрической практики и др.). По мнению Е.А. Будиловой, изучение социально-психологических проблем в русской науке изначально носило междисциплинарный характер. Исследования проводились на стыке социальной психологии как отрасли психологической науки и смежных дисциплин, изучающих человека и общество (социологии, этнографии, правоведения, психиатрии и др.). Важной заслугой Е.А. Будиловой является ее вклад в разработку проблем истории отечественной социальной психологии и последовательное утверждение идеи о том, что становление и развитие российской социальной психологии проходило параллельно и во многом независимо от ее становления и развития в других странах. Показывается, что представленные в монографии мысли и оценки Е.А. Будиловой о соотношении практического и научного психологического знания, а также возможностях и приемах использования достижений социальной психологии в различных отраслях социальной практики (таких как идеология, политика, судопроизводство, медицина и др.) не потеряли своей актуальности и сегодня.

Ключевые слова: социальная психология, история психологии, теоретические и методологические проблемы, юридическая психология, военная психология, этническая психология, психиатрия, Русская православная церковь.

DOI: 10.31857/S020595920007897-2

В марте 2019 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Елены Александровны Будиловой, видного советского и российского психолога, внесшего значительный вклад в разработку истории, а также теоретических и методологических проблем отечественной психологической науки. Биография Будиловой, юбилею которой посвящена данная публикация, своеобразна и по-своему уникальна (см. [4]). Елена Александровна родилась и выросла в Москве, воспитывалась матерью (отец не жил с семьей). В 1926 г. она поступает в Московский

государственный университет на отделение истории философского факультета, которое заканчивает в 1930 г. по специальности “этнография”. И с 1929 по 1941 г. занимается литературной и редакторской деятельностью сначала в журнале “Антирелигиозник”, затем в отделе пропаганды и агитации Всесоюзного радиокомитета в “Сельхозгазете”, а с 1937 г. — в газете “Безбожник”. В годы Великой Отечественной войны Елена Александровна живет и работает в эвакуации на Урале. Собственно научной работой она начала заниматься только в 1947 г., поступив на учебу в аспирантуру Института философии Академии наук СССР. Первым учителем Будиловой в психологии был Сергей

¹ Публикация подготовлена в соответствии с Государственным заданием ФАНО № 0159-2019-0006.

Леонидович Рубинштейн, под руководством которого она выполнила и успешно защитила в 1950 г. кандидатскую диссертацию, посвященную изучению трудов И.М. Сеченова и разработки им проблем ощущения и мышления. После защиты диссертации Елене Александровне не удалось сразу продолжить научную деятельность, несколько лет она работает в научно-методическом отделе Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Но в 1956 г. Будилова становится сотрудником сектора философских проблем психологии Института философии Академии наук СССР, которым руководил ее учитель С.Л. Рубинштейн. С этого времени Елена Александровна целиком отдает себя научной работе, центральное место в которой занимают проблемы истории психологической науки. В 1972 г. Будилова переходит в Институт психологии АН СССР, в сектор философских проблем психологии, возглавляемый Е.В. Шороховой. Здесь до последних дней своей жизни Елена Александровна активно и плодотворно занимается проблемами теории, методологии и истории психологии. Е.А. Будилова одной из первых обращается к истории возникновения и развития отечественной социальной психологии. Основными идеями, развиваемыми Е.А. Будиловой в этом научном направлении, стали представления о самобытности и оригинальности развития социально-психологического знания в российской науке, об изначально междисциплинарном характере исследований социально-психологических проблем и их тесной связи с решением актуальных практических задач. Наиболее полно эти идеи представлены в монографии Е.А. Будиловой «Социально-психологические проблемы в русской науке» [3].

Данная монография стала ее последней научной работой. И это, безусловно, труд зрелого мастера. В 1983 г., когда книга вышла в издательстве «Наука», Е.А. Будиловой исполнилось 74 года. Позади был долгий и сложный жизненный путь и большой опыт научной и редакторской работы. Во многом именно эти жизненные обстоятельства определили и основные направления выполненного ею историко-психологического анализа, и его результаты. Окончив МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «этнография» и прекрасно владея результатами многочисленных географических и этнографических исследований, Е.А. Будилова представила их детальный социально-психологический анализ в отдельной главе монографии. Имея после окончания университета большой опыт работы в антирелигиозных изданиях, Елена Александровна использовала его при подготовке самостоятельной главы монографии, посвященной разработке социально-психологических проблем

в деятельности Русской православной церкви, и дала общую, достаточно критическую оценку практики этой деятельности. Вместе со всем советским народом она испытала на себе ужасы и тяготы Великой Отечественной войны, что не могло не повлиять на ее научный интерес к истории российской военной психологии. Наконец глубокое знание работ И.М. Сеченова и его последователей — В.М. Бехтерева, И.П. Павлова и других российских ученых, работавших в тесной связи с медицинской практикой своего времени, нашли свое отражение в анализе разработки социально-психологических проблем в психиатрии.

Таким образом, центральное место в структуре монографии занимают главы, посвященные постановке и анализу социально-психологических проблем, которые ставились и решались в трех отраслях прикладного психологического знания: юридической, этнической и военной психологии, а также психиатрии. Выбор именно этих научных направлений как объектов историко-психологического анализа был далеко не случайным. Во-первых, социально-психологические проблемы, представленные в этих научных направлениях, чрезвычайно остро стояли в жизни российского общества в рассматриваемый автором исторический период (в основном это вторая половина XIX и начало XX в.). Земельная, военная и судебная реформы, начавшиеся в 60-е гг. XIX в., радикальным образом повлияли на динамику общественной жизни, поставив перед политиками, юристами и военными специалистами новые практические задачи, для осмысления и решения которых оказались востребованными данные психологической науки. Становление и развитие психиатрии как отрасли научной медицины также требовало от исследователей и практиков знаний о законах функционирования нервной системы и головного мозга в норме и патологии, в том числе психологических знаний. Во-вторых, сферы научной и практической деятельности, выступающие объектами исследовательской и практической работы в указанных направлениях, связаны с наиболее значимыми ценностями общественной жизни. Это сама жизнь или смерть человека, с которыми регулярно имеют дело люди, профессионально занимающиеся военным делом. Это свобода или несвобода — заключение, наказание как лишение свободы, а иногда и жизни и понижение в экономических и политических правах, с которыми работают специалисты в области правосудия и судопроизводства. И, наконец, это здоровье человека, причем та его составляющая, работа с которой представляет наибольшую сложность для исследователя и практика-врача.

Содержательный анализ научных направлений, представленных в монографии Е.А. Будиловой, убедительно свидетельствует о том, что именно социальная практика, практические проблемы и трудности, которые приходилось решать специалистам, работающим в этих областях социальной практики, изначально определяли направления наиболее интенсивного решения социально-психологических проблем.

Развитие же социально-психологических знаний в рассматриваемых научных направлениях изначально носило выраженный прикладной характер.

Следует отметить, что за пределами внимания и содержательного анализа Е.А. Будиловой остались сферы общественной жизни и социальной практики, которые впоследствии также стали объектами социально-психологических исследований, что привело к появлению соответствующих направлений в социально-психологической науке. Речь идет прежде всего о сфере экономической жизни общества и тесно связанных с ней сферах производства и потребления, в рамках которых сформировались такие научные направления, как экономическая психология, социальная психология труда, организационная психология, психология управления и др. В рассматриваемый автором исторический период (вторая половина XIX — начало XX в.) психологические исследования в указанных областях еще не получили широкого распространения.

Однако в XX в. научно-техническая революция, бурный рост экономики в развитых странах с необходимостью заставили исследователей и практиков обратиться и к этим сферам общественной жизни и обусловили появление и развитие соответствующих научных направлений. Что касается другой сферы общественной жизни и практики, во взаимодействии с которой также формировались научные знания и представления в области социальной психологии (мы имеем в виду сферу образования, обучения и воспитания, педагогическую науку и практику), отсутствие специальных разделов, посвященных соответствующей проблематике в рассматриваемой монографии мы объясняем тем, что эта сфера общественной жизни изначально была объектом научных и прикладных исследований в области педагогики как науки и педагогической практики, где и проводились соответствующие историко-психологические исследования.

СООТНОШЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Специальной проблемой, анализируемой в работе Е.А. Будиловой, является соотношение теоретического и эмпирического знания в рассматриваемых научных направлениях. Как уже отмечалось выше, все направления социально-психологических исследований, представленные в монографии, изначально формировались в рамках практической работы военных, врачей, юристов, служителей церкви и т.д. Их деятельность требовала наличия у специалистов практических знаний о человеческой психике и поведении, которые формировались в процессе жизни и профессиональной деятельности. Необходимость накопления и передачи этих практических знаний и этого опыта ученикам и коллегам требовала специальной работы по их осмыслению и оформлению. Поэтому психологическое обучение и подготовка специалистов-практиков, как правило, осуществлялись не профессиональными психологами (да их зачастую просто и не было как таковых!), а самими профессионалами. Профессионалы-практики нередко достаточно скептически относились к собственно научному, теоретическому знанию в области психологии (что не является редкостью и сегодня!) либо признавали важную роль, которую призвана сыграть научная психология для решения практических задач, но видели эту возможность лишь в будущем. Впрочем, взаимоотношения исследовательской и практической психологии и сегодня остаются актуальной и острой проблемой [5]. Тем не менее всегда находились (и находятся) люди, чей интерес к той или иной стороне общественной жизни носит не только напрямую прагматический, практический характер, но и характер познавательный, связанный с поиском и открытием новых фактов и явлений, взаимосвязей и закономерностей. Эти люди профессионально занимаются поиском научного знания, т.е. знания, построенного на основе эмпирических данных, собранных и проанализированных в соответствии с существующими требованиями научной методологии. В свою очередь, собранные и представленные научному сообществу результаты эмпирических исследований и опыт, накопленный и обобщенный специалистами-практиками, а также собственный жизненный опыт (результаты наблюдений, повседневного общения и размышлений, знакомство с результатами научной работы коллег) становятся основой теоретических построений, авторских представлений и концепций, содержание которых в совокупности

составляет основу теоретического знания в том или ином направлении психологической науки. В монографии Е.А. Будиловой развернуто представлены и обстоятельно проанализированы результаты научного поиска, выполненного на обоих уровнях научного анализа: как эмпирического, так и теоретического.

Именно появление специальных эмпирических исследований и знакомство читателей с их результатами и обсуждениями является важным признаком появления нового научного направления, а позднее — отрасли научного знания. В рассматриваемый в монографии исторический период такого рода исследования стали проводиться по целому ряду направлений, что позволило автору квалифицировать их в названиях соответствующих глав как отрасли психологической науки: юридическая, военная и этническая психология. Можно лишь удивляться и восхищаться результатами кропотливой, трудоемкой и добросовестной работы, связанной с анализом эмпирических исследований и полученных в них данных, которые приводятся в монографии.

В области *юридической психологии* это исследование А.М. Бобрищева-Пушкина, посвященное по своей сути социально-психологическому анализу материалов судебных процессов, рассмотренных судами присяжных [2]. Автор проанализировал 716 процессов и 1508 вынесенных по ним вердиктов. На каждое дело была составлена подробная карта, содержащая сведения о составе присяжных, характеристику преступления и данные о преступнике, свидетелях и их показаниях, изложены мотивация решения присяжных и результаты первичного анализа этих данных. Собранные данные автор обобщил и свел в таблицы. Из 84 таблиц и диаграмм была составлена сводная таблица, включающая 230 тысяч (!) показателей. “Автор хотел, — пишет Е.А. Будилова, — выяснить объективным методом, на основе статистических подсчетов и анализа полученных показателей психологические и социально-психологические закономерности деятельности суда присяжных” [3, с. 58]. Результаты исследования были представлены в монографии, которая включала две части: атлас таблиц и их всесторонний анализ. В результате проведенного исследования автору удалось вывить целый ряд социально-психологических факторов, влияющих на процесс протекания суда присяжных и его результаты: характер рассматриваемого действия подсудимого, особенности его личности, личный состав присяжных, особенности протекания самого процесса судопроизводства и др. “Оригинальное по своим задачам и методу изучение опыта работы

судов присяжных, проведенное Бобрищевым-Пушкиным, явилось конкретным социологическим, социально-психологическим и психологическим исследованием работы присяжных”, — заключает автор [3, с. 61]. Серьезным вкладом в развитие эмпирических исследований в сфере юридической психологии стали результаты многолетних исследований психологических особенностей жизни тюремных, ссыльных и бродяжнических общин, проведенных Н.М. Ядринцевым [23]. В этом эмпирическом исследовании, выполненном на уникальном и малодоступном для научного исследования объекте, анализировались такие социально-психологические феномены, как совместная деятельность и общение, взаимоотношения коллектива и личности, групповые нормы и др. В ходе этого исследования автор активно использовал такие методы сбора эмпирических данных, получившие впоследствии широкое распространение в социально-психологических исследованиях, как наблюдение (в том числе включенное) и беседа.

В *военной психологии* также были проведены первые эмпирические психологические исследования. Ученик и соратник В.М. Бехтерева Г.Е. Шумков, более двух лет работавший в действующей армии в качестве врача во время русско-японской войны, проводил регулярные психофизические и психологические исследования солдат и офицеров. Результатом этих исследований стала книга “Психика бойцов во время сражения” (вышел только первый ее выпуск, содержащий введение и описание метода исследования) и ряд научных статей, опубликованных в журнале “Военный вестник”. Особый интерес представляют результаты исследования, связанные с описанием и анализом возникающих в условиях боевой обстановки коллективных чувств бойцов, в частности коллективного чувства тревоги [22]. По сути, эти исследования положили начало научному изучению коллективных чувств, которое не потеряло своей актуальности и сегодня.

В области *этнической психологии* Е.А. Будилова особое внимание уделяет результатам этнографических исследований русского народа, выполненных учеными Русского географического общества по программе Н.И. Надеждина. Создание этого общества, по мнению Е.А. Будиловой, было необходимо не столько для решения собственно научных, исследовательских задач, сколько для решения задач практических, социальных. Изучение русского крестьянства связывалось с решением вопроса об отмене крепостного права. Исследования народов Сибири, Средней Азии и Кавказа определялись практическими задачами управления этими регионами Российской империи. При этом

значительное место в программе исследований народов России занимали вопросы, связанные с изучением социально-психологических особенностей представителей российских этносов. «Задолго до создания психологии народов, — отмечает Е.А. Будилова (имеется в виду появление в 1886 г. статьи В. Вундта, посвященной целям и путям этнической психологии. — *Примеч. авт.*), — К.М. Бэр, Н.И. Надеждин, К.Д. Кавелин и другие члены этнографического отдела общества сформулировали в 1940–50-х годах основные принципы этнографической науки, в том числе “психологической этнографии” (другими словами — этнической психологии), которые и стали проводиться в жизнь Русским географически обществом. Европейская этнография была рождена позже, в 70-х годах...» [3, с. 115].

Наряду с эмпирическими исследованиями, во всех прикладных научных направлениях, рассматриваемых в монографии Е.А. Будиловой, развивались и теоретические представления о социально-психологических явлениях. В области юридической психологии яркими примерами могут служить разработки психологической теории права Л.И. Петражицким [18 и др.], психологии преступности Д.А. Дрилем [8 и др.], психологии свидетельских показаний А.Ф. Кони [12 и др.], психологии массовых преступлений и преступной толпы Д.Д. Безсоновым [1 и др.]. В качестве первых теоретических исследований в области военной психологии Е.А. Будилова называет работы Н.Н. Головина [6 и др.], М.И. Драгомирова [7 и др.], А.С. Резанова [19 и др.] и других авторов. Теоретические основы этнической психологии (авторы использовали термин “психическая этнография”) разрабатывали такие видные этнографы и лингвисты, как К.Д. Кавелин [10], Н.И. Надеждин [15], а позднее А.А. Потебня [17], Д.Н. Овсяннико-Куликовский [16], Г.Г. Шпет [21]. Характерно, что эти представления развивались не социальными психологами, их тогда просто не было как самоопределившихся специалистов, и даже не психологами, а специалистами — представителями “материнских” наук, на стыке которых с психологией формировались соответствующие научные направления. Этот феномен двойного “статуса” при формировании прикладных направлений будет продолжаться и в дальнейшем развитии социальной психологии. Теоретическими и эмпирическими исследованиями по таким прикладным направлениям, как экономическая, политическая, организационная психология, наряду с профессиональными психологами будут заниматься соответственно экономисты, политологи, специалисты в области научной организации и управления.

Если говорить о конкретных социально-психологических явлениях, в наибольшей степени привлекавших внимание исследователей, к ним в первую очередь следует отнести феномены, которые в современной социальной психологии относятся к явлениям массовой психологии: психология толпы (например, такие явления, как паника, деиндивидуализация и др.), психология больших социальных групп (народный характер, менталитет, мода и др.), психология совместной жизнедеятельности (внутригрупповые и межгрупповые отношения и др.), а также к явлениям общения и взаимодействия людей — феномены психологического воздействия и влияния: убеждение и внушение, подражание и заражение, лидерство и конформизм и др. Все названные явления и сейчас составляют предметное поле социальной психологии и выступают объектами теоретических, эмпирических и прикладных исследований.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПСИХИАТРИИ

Рассматривая постановку и разработку проблем социальной психологии в смежных отраслях научного знания и социальной практики, к их числу Е.А. Будилова отнесла и психиатрию, которая как отрасль научной медицины складывалась в России в первой половине XIX столетия. В качестве характерных черт российской психиатрии Е.А. Будилова указывает на характерную для нее гуманистическую направленность и естественнонаучный подход к пониманию психических явлений. Возникновение психических заболеваний изначально связывалось исследователями и медиками с нарушением функций нервной системы и мозга и с воздействием неблагоприятных социальных условий.

Ведущие русские психиатры — В.М. Бехтерев, С.С. Корсаков, В.Х. Кандинский, П.И. Ковалевский и др. — решительно отстаивали материалистическое понимание психических явлений, сформулированное в трудах выдающегося русского физиолога И.М. Сеченова. В рассматриваемый Е.А. Будиловой исторический период в психологической науке господствовали идеалистические представления о психических явлениях. Во многом именно благодаря усилиям психиатров было положено начало экспериментальным исследованиям в российской психологии. К числу важнейших научных проблем этих исследований можно отнести изучение взаимосвязей психических явлений и деятельности мозга, взаимосвязей внутреннего мира человека и внешнего мира, в том числе

явлений общественной жизни. Показательно, что первая российская экспериментальная психофизиологическая лаборатория была открыта в 1885 г. выдающимся русским ученым В.М. Бехтеревым при клинике душевных болезней медицинского факультета Казанского университета. Он же организовал в Петербургской военно-медицинской академии первую психологическую лабораторию при академической клинике нервных болезней. К концу XIX в. психологические лаборатории работали при клиниках нервных болезней ряда российских университетов, в том числе Московского, Харьковского и Юрьевского (Дерптского). Анализируя высказывания ведущих российских психиатров того времени, Е.А. Будилова отмечает характерное для них внимание к социальным и социально-психологическим факторам и причинам психических заболеваний: “Принимая взгляд на детерминацию психической деятельности внешними причинами, психиатры усматривали эти причины в материальном положении больного и его семьи, в его общественном статусе, семейном положении, деятельности, отношениях с окружающими людьми, связанными с ним в семье, в совместной работе, а также в той или иной форме его общественных связей” [3, с. 155]. Такое понимание взаимосвязи психических и социальных явлений, по сути, закладывало теоретические основы построения и развития российской социальной психологии.

Большой вклад в развитие научных представлений в области социальной психологии личности внесли работы ведущих российских психиатров С.С. Корсакова, В.Х. Кандинского, П.Б. Ганнушкина и др., посвященные описанию и анализу психопатических проявлений личности. Результаты клинических наблюдений, обобщения и анализа опыта практической работы с больными людьми способствовали более глубокому и строгому научному пониманию психологических особенностей личности. В последующие годы, в наиболее сложный для российской психологической науки период, именно разработки психиатров и медицинских психологов способствовали продолжению научных исследований в области психологии личности в рамках медицинской практики [14 и др.].

Важным направлением научных исследований и прикладных разработок в психиатрической теории и практике, тесно связанным с проблемами социальной психологии, явились исследования массовых психических заболеваний, которые получили в психиатрии название психических эпидемий. Известный российский психиатр В.Х. Кандинский в работе “Нервно-психический контагий

и душевные эпидемии” на основе психологического анализа большого исторического материала приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что при определенных условиях сходные, общие переживания и чувства, идеи и стремления охватывают большие массы людей, побуждая их к сходным действиям. На языке современной социальной психологии описываемые ученым явления относятся к группе массовых психических явлений, которые в случае их выраженной аномальности принимают характер массовых душевных расстройств. Автор приводит многочисленные и яркие примеры. В качестве психологических механизмов, лежащих в основе их возникновения и протекания, В.Х. Кандинский рассматривает феномены внушения, заражения и подражания — “нервно-психический контагий”, по терминологии автора [11]. Социально-психологические проблемы массового сознания и поведения, которые автор сформулировал в этой работе, и сегодня имеют большой научный и практический интерес. Чрезвычайно актуальным и важным в настоящее время представляется вопрос, который задает себе В.Х. Кандинский: “Человек есть существо, одаренное разумом и свободною волею; как же согласовать это с фактами слепого неразумия масс, когда тысячи людей бросаются по одному и тому же пути, часто ведущему к гибели, не рассуждая, не думая, как будто увлекаемые какой-то роковой силою” [11, с. 156]. Эмпирические примеры явлений массового сознания и поведения, рассматриваемые В.Х. Кандинским, носят характер явного нарушения нормы, “душевных эпидемий”. Поэтому для их обозначения автор использует медицинский термин “контагиозность”, буквально означающий “заражение”. В дальнейшем термин “заражение” прочно вошел в социально-психологический лексикон. Однако изначально, применительно к рассматриваемым автором примерам массовых психических расстройств термин “заражение” носил, скорее, метафорический характер, поскольку механизмы такого “заражения” принципиально отличаются от механизмов заражения инфекционными заболеваниями. Механизмы нервно-психической контагиозности связываются В.Х. Кандинским с социально-психологическими явлениями, сопровождающими процесс общения и взаимодействия людей и проявляющимися в разного вида воздействиях: внушении, подражании и пр.

С позиции социальной психологии важно то, что в качестве факторов, способствующих появлению и распространению “нервно-психических эпидемий”, исследователи указывают на социальные, политические и экономические причины. А.А. Токарский, изучавший такой вид массового

психического расстройства, как мерячение, отмечал, что религиозные психические эпидемии нередко возникали после больших народных бедствий (войн, эпидемий и т.д.) [20]. Религиозные представления играли важную роль в возникновении и протекании таких распространенных среди русского (особенно сельского) населения явлений, как кликушество, мерячение и пр. Так, Н.В. Краинский, директор Колмовской психиатрической больницы в Новгородской губернии, изучая кликушество и другие нервно-психические эпидемии, пришел к выводу, что важную роль в распространении подобных явлений играли монастыри, где в то время проводились специальные службы для “бесноватых” [13]. В.М. Бехтерев, написавший предисловие к книге Н.В. Краинского, также считает, что кликушество и порча в значительной мере обязаны своим происхождением бытовой стороне жизни русского народа. Согласен автор предисловия и с мнением Н.В. Краинского о роли русских монастырей в распространении психических эпидемий. Однако в качестве социально-психологических факторов и механизмов, способствующих возникновению и распространению психических эпидемий, Бехтерев указывает на феномены внушения, патологического подражания, характерные для психологии толпы.

Результаты исследования случаев массовых психических “эпидемий”, полученные авторами в разных регионах Российского государства, а также данные о роли религиозных верований (в частности, шаманизма) в их возникновении и протекании позволяют говорить о выраженной *междисциплинарности*, изначально присущей эмпирическим исследованиям социально-психологических явлений. Так, в приведенных выше примерах исследования, которые можно в полной мере отнести к категории социально-психологических, теснейшим образом взаимосвязаны с проблемами, разрабатываемыми в рамках этнической психологии и психологии религии. С началом судебной реформы одним из важных видов практической деятельности российских психиатров стала судебно-психиатрическая экспертиза. В рамках этой практической работы психиатры вновь вынуждены были обратиться к социально-психологическим проблемам психической регуляции социального поведения личности. Подводя итог историко-психологическому анализу взаимосвязей между психиатрией и психологией в российской науке и практике второй половины XIX в., Е.А. Будилова отмечает, что эти взаимосвязи способствовали привлечению внимания ученых к таким важным социально-психологическим явлениям, как межличностное общение и взаимодействие, массовые психические явления,

феномены психологического воздействия, внушения, психического заражения и подражания. Указанные социально-психологические явления и связанные с ними проблемы не потеряли своей актуальности и сегодня.

РАЗРАБОТКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Научные взгляды Е.А. Будиловой на историю российской психологии характеризуются принципиальным противопоставлением материалистических и идеалистических представлений о психических явлениях. Развитие материалистических идей в отечественной психологии Е.А. Будилова связывает с развитием естественнонаучного знания о человеке и его психике. В качестве представителей идеалистического направления она отмечает религиозных философов и деятелей Русской православной церкви.

Е.А. Будилова считала, что одной из особенностей исторического развития России второй половины XIX в. является роль и положение Русской православной церкви, которая в то время была частью государственного аппарата и выполняла в нем определенные идеологические функции. Ярким выражением идеологической доктрины Российского государства в рассматриваемый исторический период стала идея триединства православия, самодержавия и народности. При этом православию как религиозному течению и православной церкви как социальному институту отводилось выполнение функции идеологического, мировоззренческого и научного (!) обоснования незыблемости и сохранности существующего государственного устройства и общественного порядка. Успешная реализация этих функций предполагала и требовала практического учета социально-психологических особенностей и закономерностей. Обращение к практикоориентированным знаниям и умениям, которые в наше время можно определить как социально-психологические, было характерно на всем протяжении человеческой истории. И в древнейших восточных и античных сочинениях, и в трудах мыслителей нового времени можно встретить интересные наблюдения, глубокие размышления и мудрые советы, связанные с управлением государством, а также воздействием на социальные общности и отдельных людей. Использование религии и церкви как средств политической борьбы и идеологического влияния — это неотъемлемая составляющая развития общества на протяжении

всей его истории. В рамках поставленной в исследовании Е.А. Будиловой научной задачи — изучение социально-психологических проблем в русской науке и социальной практике — особенно важными представляются результаты анализа тех работ деятелей Русской православной церкви, в которых нашли свое выражение социально-психологические знания. Последние формировались на основе осмысления многолетнего опыта практической работы с представителями самых разных социальных групп и слоев российского общества.

Среди текстов представителей православной церкви, анализ которых представлен в специальной главе анализируемой монографии, имеются работы, непосредственно связанные с психологией как отраслью знания, и работы, имеющие прикладной характер, содержащие практические советы и рекомендации по работе с людьми. Таким образом, Е.А. Будилова выделяет два направления взаимосвязи деятельности Русской православной церкви и развития социально-психологического знания. Первое направление, которое можно обозначить как теоретическое, состояло в установлении взаимосвязей между религиозными догматами церкви, в частности богословскими учениями о душе, и представлениями, складывающимися в рамках формирующейся психологической науки. Второе направление, которое можно обозначить как практическое или прикладное, выражалось в разработке практикоориентированных методов и приемов работы священнослужителей с представителями различных социальных групп и слоев российского общества. В теории и практике духовного образования психология как “наука о душе” вместе с логикой, метафизикой и нравственной философией входила в систему философских дисциплин, которые в России преподавались богословами в высших как светских, так и духовных учебных заведениях. Социально-психологические проблемы рассматривались и в рамках собственно психологического образования, в курсах так называемой опытной психологии, содержание которых заимствовалось, как правило, из иностранных учебников психологии. Вместе с тем слушатели духовных академий получали социально-психологическую подготовку в виде практических советов и рекомендаций в рамках специальных богословских дисциплин и прикладных практических курсов, таких, например, как риторика — о красноречии, гомилетика — о сочинении проповедей и т.д. [3, с. 178–179].

“За какую же психологию стояла церковь?” — задается вопросом Е.А. Будилова. И прямо отвечает на него: “Ей была нужна психология,

краеугольным камнем которой являлось христианское учение о душе человека. Это учение входило в число основных представлений православной церкви и занимало одно из главных мест в системе христианского вероучения. Душа определялась как самостоятельное, самосознающее духовное начало человека, отражающее собой природу самого бога. Она считалась бессмертной — временное земное существование души, связанной с телом, завершалось ее загробной жизнью в единении с богом, что объявлялось конечной целью бытия человека” [3, с. 179]. И далее Е.А. Будилова высказывает очень интересное суждение, характеризующее ее понимание причин отношения и обращения церкви к науке в целом и к психологии в частности: “Психология была для церкви средством укрепления и утверждения веры, позволяющим вероучение выдать за науку. В такой позиции церкви в полной мере проявлялось изначальное противоречие всякого богословия: с одной стороны, божественное откровение в вере не нуждалось в доказательствах бытия бога, а с другой — бытие бога доказывалось с помощью научных приемов, которыми религии придавалась видимость научности” [Там же, с. 180].

И далее автор обстоятельно аргументирует свое суждение многочисленными примерами обращения служителей православной церкви к взглядам представителей психологической науки. И чем нагляднее были достижения естественнонаучных представлений о человеке и его психике, тем активнее, по мнению Е.Л. Будиловой, богословы стремились показать возможность сосуществования религии и науки и одновременно ограничить сферу действия научной психологии [Там же, с. 198].

В качестве одного из направлений борьбы представителей Русской православной церкви против материалистической естественнонаучной психологии Е.А. Будилова рассматривает попытки психологизации христианского учения. Суть этой психологизации христианства она раскрывает следующим образом. “С одной стороны, можно было показать, что христианская религия (точнее, православие) имеет психологические основы и, следовательно, незыблема. Тут богословам пригодилась заимствованная у естественных наук терминология, придававшая современность их новым сочинениям. Они вводили понятия религиозного опыта, заявляли, что религиозное знание есть теоретическая организация или систематизация религиозного опыта. С другой стороны, — пишет Будилова, фактически переходя ко второй, практикоориентированной линии взаимосвязи деятельности православной церкви и развития социально-психологического знания, — церковь была не прочь сама

воспользоваться научными знаниями и показать, что учет психологии верующих открывает возможность связать с религиозным воздействием всю область мотивов человеческого поведения, а значит, получить способ управлять массами на основе признания детерминации поведения внешними условиями, хотя прикрывалось все проповедью связи личности с богом и зависимости ее от бога” [3, с. 198–199].

Говоря о втором направлении взаимосвязи деятельности РПЦ и разработки социально-психологических проблем в русской науке, имеются в виду практикоориентированное социально-психологическое знание и разработка практических социально-психологических методов и приемов работы служителей церкви с представителями различных социальных групп населения. Деятельность служителей церкви, по мнению Е.А. Будиловой, состояла не только в том, чтобы предписывать верующим их обязанности и правила поведения, соответствующие религиозным нормам, но и обеспечивать их реализацию. При этом священнослужители постоянно сталкивались с разнообразными социально-психологическими явлениями, которые им необходимо было учитывать в повседневной работе с населением. Эти задачи решались посредством целой системы социально-психологического по своей сути обучения и подготовки представителей духовенства к работе с верующими.

Духовное образование всех ступеней предполагало обучение будущих приходских священников приемам массовой и индивидуальной работы с верующими, воздействия на их мысли, чувства и поведение. Особую роль здесь играли специальные практикоориентированные методические разработки по “врачеванию душ”. В качестве примера Е.А. Будилова приводит содержание обширного сборника, составленного магистром богословия Григорием Дьяченко, само название которого, “витиеватое”, по образному определению Будиловой, раскрывает практический социально-психологический смысл его назначения: “Христианские утешения несчастных и скорбящих, испытывающих бедность, болезни, потери родных и близких сердцу, житейские неудачи, злоречия, разочарования в жизни, мучительную борьбу с грехом и страстями, с религиозным сомнением и помыслами неверия, с отчаянием в спасении своей души, со страхом смерти, и многие другие телесные и духовные скорби и страдания” [9]. Уже в названии работы представлен развернутый список проблем, разрешением которых занимаются и современные практические социальные психологи и психотерапевты. Здесь мы вновь наблюдаем проявление

междисциплинарности (в данном случае точнее говорить о мультдисциплинарности) в разработке данной прикладной проблемы, в рамках которой теснейшим образом сочетаются религиозные представления о человеке, его поведении и психике и представления медицинские, в том числе психиатрические, о психологических проблемах и травмах, и социально-психологические представления о социальных причинах этих проблем и методах их разрешения. Если оставить за скобками идеологические и политические мотивы этой деятельности, предлагаемые и описываемые в книге рекомендации и психологические практики представляют определенный интерес и для современных практических психологов. Мысли и оценки Е.А. Будиловой, представленные в данной статье, не потеряли своей актуальности и сегодня. Более того, в условиях возрождения Русской православной церкви, повышения ее активности и влияния снова высокую актуальность приобретают поставленные проблемы: о соотношении философско-религиозного и научного психологического знания, возможностях и приемах использования достижений социальной психологии в практике идеологической и политической работы, оказании психологической помощи людям, попавшим в трудные жизненные ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работы, следует отметить, что развиваемые в монографии Е.А. Будиловой представления наглядно демонстрируют нам роль жизненного пути и биографии ученого как факторов, определяющих его научные интересы. Об этом в первую очередь свидетельствует детальный и профессиональный анализ взаимосвязей психологической науки и этнографии, разработки социально-психологических проблем в психиатрической теории и практике и в деятельности Русской православной церкви.

С историко-психологической точки зрения особенно важными представляются мысли автора о том, что зарождение и развитие научной социальной психологии в России XIX в. происходило, во-первых, в тесной связи с разработкой и решением практических, социально значимых проблем (созданием судов присяжных и организаций их работы, развитием военного дела, медицинской, в частности психиатрической, практикой, деятельностью Русской православной церкви и пр.). Во-вторых, разработка социально-психологических проблем в русской науке изначально носила междисциплинарный характер. Исследования

проводились на стыке социальной психологии как отрасли психологической науки и юридической, военной, этнической, медицинской психологии, которые формировались во многом представителями “материнских” отраслей знания (правоведения, военной науки, этнографии и психиатрии). В-третьих, становление российской социальной психологии изначально протекало в тесной связи с развитием естественнонаучного направления в психологии, при том что в рассматриваемый исторический период (вторая половина XIX в.) господствующими в официальной психологической науке были идеалистические и религиозно-философские представления о душе как предмете психологии. Материалистические по своей сути взгляды на психические явления опирались не только на представления об их связи с деятельностью мозга как материального субстрата, но и с положениями о связи психических, а точнее — социально-психологических, феноменов с явлениями социальной, общественной жизни, в которой роль материальных, объективных факторов признавалась весьма важной. И, наконец, в-четвертых, важным достоинством вклада Е.А. Будиловой в разработку проблем истории отечественной социальной психологии является последовательное утверждение идеи о том, что российская социальная психология не является прямым заимствованием идей и исследований западной социальной психологии. Становление и развитие российской социальной психологии проходило параллельно и во многом независимо от становления и развития социальной психологии в других странах. Оно имело собственные научные корни и специфические социальные проблемы и явления как объекты социально-психологического исследования. Не вызывают сомнения актуальность научных результатов, полученных Е.А. Будиловой, и их значение для развития современного научного психологического знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-Литография К.Л. Пентковского, 1907.
2. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности суда присяжных. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1896.
3. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983.
4. Будилова Е.А. На рубеже веков: Очерки истории русской психологии конца XIX — начала XX века / Под общ. ред. В.И. Белопольского, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
5. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015.
6. Головин Н.Н. Исследование боя: Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб.: Экон. типо-лит., 1907.
7. Драгомиров М.И. Сборник оригинальных и переводных статей: В 2 т. СПб.: Типография Балашова, 1881.
8. Дриль Д.А. Преступность и преступники (Уголовно-психологические этюды). СПб.: Издание Я. Канторовича, 1895.
9. Дьяченко Г. Христианские утешения несчастных и скорбящих. М., 1898.
10. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: В 4 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897—1900.
11. Кандинский В.Х. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Общепонятные этюды Виктора Кандинского. М.: Изд-во А. Ланга, 1881.
12. Кони А.Ф. Психология свидетельских показаний (Практические заметки) // Новые идеи в философии. 1913. № 9.
13. Краинский Н.В. Порча, кликушество и бесноватые как явления русской народной жизни. Н. Новгород: Губернская типография, 1900.
14. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
15. Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 61—115.
16. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. Пг.: Время, 1922.
17. Потебня А.А. Мысль и язык. 3-е изд. Харьков: Типография “Мирный труд”, 1913.
18. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. 2-е изд. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1907.
19. Резанов А.С. Армия и толпа: Опыт военной психологии. Варшава, 1910.
20. Токарский А.А. Психические эпидемии // Вопросы философии и психологии. 1891. Год IV. Кн. 5 (20). С. 203—223.
21. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. Вып. 1. М.: Государственная академия художественных наук, 1927.
22. Шумков Г.Е. Роль чувства тревоги в психологии масс, как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. № 9. С. 86—94.
23. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1872.

E.A. BUDILOVA ON THE DEVELOPMENT OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN RUSSIAN SCIENCE AND SOCIAL PRACTICE²

A. L. Zhuravlev*, V. P. Pozniakov**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

**Member of RAS, Scientific Leader of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: ALZuravlev2018@yandex.ru

***ScD (Psychology), Professor, Leading Research Fellow.*

E-mail: pozn_v@mail.ru

Received 19.09.2019

Abstract. The article is devoted to the analysis of E.A. Budilova's ideas about the formation and development of Russian socio-psychological knowledge published in the monograph "Socio-psychological problems in Russian science". It is noted that the origin and development of scientific social psychology in Russia of the nineteenth century occurred in close connection with the development and solution of practical, socially significant problems (judicial and military reforms, the formation and development of psychiatric practice, etc.). According to E.A. Budilova development of social and psychological problems in Russian science was initially interdisciplinary. The research was conducted at the intersection of social psychology as a branch of psychological science and related disciplines studying human and society (sociology, ethnography, law, psychiatry, etc.). An important advantage of the contribution of EA. Budilova in the development of problems of the history of Russian social psychology is a consistent statement of the idea that the formation and development of Russian social psychology took place in parallel and largely independent of the formation and development of social psychology in other countries. It is concluded that the monograph Budilova thoughts and evaluation of the ratio of practical and scientific psychological knowledge, the possibilities and methods of using the achievements of social psychology in various fields of social practice: ideology, politics, justice, medicine, etc., have not lost their relevance today.

Keywords: social psychology, history of psychology, theoretical and methodological problems, legal psychology, military psychology, ethnic psychology, psychiatry, Russian Orthodox Church.

REFERENCES

1. *Bezsonov D.D.* Massovye prestupleniya v obshhem i voenno-ugolovnom prave. St. Petersburg: Tipo-Litografija K.L. Pentkovskago, 1907. (In Russian)
2. *Bobrishhev-Pushkin A.M.* Jempiricheskie zakony dejatel'nosti suda prisjazhnyh. Moscow: Pechatnja A.I. Snegirevoj, 1896. (In Russian)
3. *Budilova E.A.* Social'no-psihologicheskie problemy v russkoj nauke. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
4. *Budilova E.A.* Na rubezhe vekov: Ocherki istorii russkoj psihologii konca XIX — nachala XX veka. Pod obshh. red. V.I. Belopol'skogo, A.L. Zhuravleva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
5. Vzaimootnoshenija issledovatel'skoj i prakticheskoy psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. (In Russian)
6. *Golovin N.N.* Issledovanie boja: Issledovanie dejatel'nosti i svojstv cheloveka kak bojca. St. Petersburg: Jekon. tipolit., 1907. (In Russian)
7. *Dragomirov M.I.* Sbornik original'nyh i perevodnyh statej: V 2 t. St. Petersburg: Tipografija Balashova, 1881. (In Russian)
8. *Dril' D.A.* Prestupnost' i prestupniki (Ugolovno-psihologicheskie jetjudy). St. Petersburg: Izdanie Ja. Kantoro- vicha, 1895. (In Russian)
9. *D'jachenko G.* Hristianskie uteshenija neschastnyh i skor- bjashhih. Moscow, 1898. (In Russian)
10. *Kavelin K.D.* Sobranie sochinenij: V 4 t. St. Petersburg: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1897–1900. (In Russian)
11. *Kandinskij V.H.* Nervno-psihicheskij kontagij i dushevnye jepidemii. Obshheponjatnye jetjudy Viktora Kandinskogo. Moscow: Izd-vo A. Langa, 1881. (In Russian)
12. *Koni A.F.* Psihologija svidetel'skih pokazanij (Prak- ticheskie zametki). Novye idei v filosofii. 1913. № 9. (In Russian)
13. *Krainskij N.V.* Porcha, klikushestvo i besnovatyje kak ja- vlenija russkoj narodnoj zhizni. N. Novgorod: Guberns- kaja tipografija, 1900. (In Russian)
14. *Mjasishhev V.N.* Lichnost' i nevrozy. L.: Izd-vo LGU, 1960. (In Russian)

² The publication was prepared in accordance with the State task of FASO No. 0159-2019-0006.

15. *Nadezhdin N.I.* Ob jetnograficheskom izuchenii narodnosti russkoj. Zapiski Russkogo Geograficheskogo obshhestva. St. Petersburg, 1847. Kn. 2. P. 61–115. (In Russian)
16. *Ovsjaniko-Kulikovskij D.N.* Psihologija nacional'nosti. Pg.: Vremja, 1922. (In Russian)
17. *Potebnja A.A.* Mysl' i jazyk. 3-e izd. Har'kov: Tipografija "Mirnyj trud", 1913. (In Russian)
18. *Petrazhickij L.I.* Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti: Jemocional'naja psihologija. 2-e izd. St. Petersburg: Tipografija Ju.N. Jerlih, 1907. (In Russian)
19. *Rezanov A.S.* Armija i tolpa: Opyt voennoj psihologii. Varshava, 1910. (In Russian)
20. *Tokarskij A.A.* Psihicheskie jepidemii. Voprosy filosofii i psihologii. 1891. God IV. Kn. 5 (20). P. 203–223. (In Russian)
21. *Shpet G.G.* Vvedenie v jetnicheskuju psihologiju. Vyp. 1. Moscow: Gosudarstvennaja akademija hudozhestvennyh nauk, 1927. (In Russian)
22. *Shumkov G.E.* Rol' chuvstva trevogi v psihologii mass, kak nachala, nivelirujushhego individual'nosti. Voennyj sbornik. 1914. № 9. P. 86–94. (In Russian)
23. *Jadrincev N.M.* Russkaja obshhina v tjur'me i ssylke. St. Petersburg: Tipografija A. Morigerovskogo, 1872. (In Russian)